

Алла Хемлин

ИНТЕРЕСНАЯ
ФАИНА

Алла Хемлин
Интересная Фаина

«Алла Хемлин»

2020

Хемлин А.

Интересная Фаина / А. Хемлин — «Алла Хемлин», 2020

Алла Хемлин определяет свой новый роман «Интересная Фаина» как почти правдивую историю. Начинается повествование с реального события 1894 года – крушения парохода «Владимир». Дальше все, что происходит с персонажами, реально буквально до предела. Только предел все время смещается. В «Замороке» (длинный список «Большой книги»-2019) Алла Хемлин, кроме прочего, удивила читателей умением создавать особый речевой мир. «Интересная Фаина» в этом смысле удивит еще больше.

© Хемлин А., 2020

© Алла Хемлин, 2020

Алла Хемлин

Интересная Фаина

© Алла Хемлин, 2020

Сестре

При царизме пятилетки еще не было, потому люди не знали свою судьбу. Так царизм играл человеком.

Фаина народилась в городе Батум.

Про своего отца Фаина знала со слов своей матери.

Отец Фаины служил телеграфистом. Из-за характера отец сильно давил своей рукой на то, на что полагалось давить. Хотя полагалось давить несильно. Такая старательность довела мужчину-телеграфиста до тяжелой болезни всего организма.

Получилось, что отца Фаины взялся лечить один хороший доктор, а сам вылечил неправильно, потому отец умер себе в тридцать три года.

Интересно, что отец Фаины умер без своего ребеночка, и ребеночек родился уже у одной матери.

Мать Фаины умела шить. И после смерти мужа мать Фаины начала шить как белошвейка на швейной машинке «Зингер». При царизме машинки были не у всех на свете швеек. Мать Фаины была не все, потому у матери и было.

Когда случилось, что тонул пароход «Владимир», Фаина с матерью как раз тонула на этом самом пароходе.

Получилось, что мать со своей дочечкой ехала в Одессу на встречу с просватанным женихом для матери, бездетным вдовцом по имени Новиков. Зарабатывал Новиков на жизнь тем, что имел магазин и хорошо там торговал разной на вкус и на цвет материей. На шуп новиковская материя тоже была разная. А цену Новиков давал на все на свете хорошую. При царизме от людей скрывали, что при царизме ничего хорошего не было, тем более цена. Потому люди и тянулись хоть за чем хоть к ком у.

И вот мать Фаины утонула.

Мать утонула одна, без Фаины. А Фаину удачно вытянули из воды. Ей тогда было восемь лет. А случилось все это в 1894-м.

Интересно, что мать всегда на улице держала Фаину за руку. Так же было и на пароходе.

Когда пароход уже наклонился передом в самую воду, мать случайно выпустила руку дочечки и схватилась этой своей рукой за что попало. А другой своей рукой мать держала пробковый пояс. Получилось, что для Фаины у матери рук больше никаких не осталось.

Фаина не знала, как человеку находиться не дома без руки, и в голос заплакала на месте. Поскольку в голос плакала не одна Фаина, а почти что все на свете, кто бежал на палубе туда-сюда, мать не сразу оглянулась на свою дочечку и упала в воду сама. Наверно, мать подумала, что Фаина схватилась за материно платье или просто хорошо падает себе рядом.

Еще раньше капитан на пароходе приказал всем рубить топорами все на свете плавучее вроде дверей и кидать в воду.

Все начали рубить от души и нарубили кто сколько мог. Потому мать Фаины упала не в пустую воду, а головой попала в нарубленную дверь и крепко ударилась.

Тут как раз пришла большая волна. Большая волна сдвинула ударенную мать в сторонку и накрыла всю с ударенной головой.

Фаина своими глазами видела, что волна накрыла мать. У волны была белая бахрома и цвет такой же, как у шали, которой мать накрывала Фаину дома. Ночью у Фаины было одеяло, а днем была дорогая шаль с коричневым пятном на самом краю. Мать хотела нагладить после стирки, а силу горячего утюга не посчитала.

Мать накрывала шалью дочечку от плохого. Мать говорила, что по шелку все на свете плохое скатится. Почему мать не накрывала свою дочечку шелком ночью, хоть бы и сверх одеяла, непонятно.

И вот мать пошла себе на дно.

Фаина быстренько тоже засобиравалась на дно, чтоб успеть все-таки схватиться за материну руку. Но как-то так получилось, что вместо дна Фаина осталась на воде.

Фаина не умела плавать и просто била воду с пяти сторон – двумя руками, двумя ногами и одной головой тоже.

Фаина не запомнила вокруг себя людей – ни на воде, ни на лодках, ни на кто на чем. А запомнила, как ее рука ударила не по воде, а по дереву, которое получилось дверями с ручкой.

Какая-то сила взяла и дотянула руку Фаины до этой ручки, как до руки матери.

Может, это была дверь, которая убила мать Фаины. Может, дверь знала, что не вынесет двоих, и выбрала себе девочку.

Когда в доме пол натирался мастикой, мать катала Фаину туда-сюда на куске войлока. Фаина села на двери, как на войлоке, и все на свете у Фаины стало спокойное.

* * *

А до парохода у Фаины с матерью было так.

Фаина с матерью жили без поддержки родных людей, потому что мать еще раньше постигло сиротство. Братьев и сестер у матери тоже не было. Почему мать осталась без помощи родни мужа, Фаине мать не рассказывала.

Фаина из-за работы матери много видела в доме почти что совсем раздетых женщин. Фаина надумывала себе, какой она сама будет, когда вырастет до женщины. Крепкое решение Фаина для себя принять не могла, потому что оно каждый день менялось. Лучше всего Фаине нравилось решение быть когда как.

В доме у матери с Фаиной мужчин не было. Фаина видела мужчин только на улице. Фаина думала, что мужчины никогда не живут в домах, что мальчики-дети в домах живут, а мужчин там никто не держит.

Мать боялась, что Фаину украдут, и не пускала играть с чужими детьми. И в дом мать детей не пускала, потому что боялась чужих зараз, которые могли перескочить на дочечку.

Мать начала сама учить Фаину, рассказывала на словах про то и про сё и показывала буквы.

Счет Фаина постигла в ходе быта, как почти что все люди.

Незадолго до парохода в дом пришла женщина.

Мать посадила женщину пить чай с вареньем и с булкой.

Фаина смотрела, как женщина начала пить и крошить на стол и на пол. Мать ногой и рукой сдвигала крошки, чтоб они были не сильно видные.

Что такое говорила женщина, Фаина слышала, но не поняла, хоть многие слова из сказанного уже хорошо знала. Женщина говорила скоренько-скоренько, как на балалайке. У Фаины заболели уши, и она ушла в другую комнату.

Потом за Фаиной пришла мать и сказала, что они поедут на пароходе в город Одессу, к одному хорошему человеку.

Фаина уже знала, что хорошим человеком бывают хоть женщины, хоть мужчины, но не спросила, кто же это будет такой.

* * *

Когда Фаина сидела там, куда привозили всех, кто спасся из моря, к ней подошел пристав и спросил, чья она, с кем ехала и к кому.

Фаина знала свою фамилию и сообщила, а про другое сообщила, что ехала с матерью к хорошему человеку.

Пристав записал фамилию Фаины и приказал сидеть на месте дальше.

Фаина начала себе думать, куда б она пошла, если б пристав приказал уходить. Адреса одного хорошего человека у Фаины не было, тем более Фаина не умела ходить по адресу.

Те, кто сидел из-за того же, из-за чего сидела Фаина, в основном плакали и кричали в сторону воды.

Может, другие думали, почему Фаина как девочка не плачет и не кричит ни в какую на свете сторону. А Фаина и плакала, и тем более кричала – только не в голос, а у себя в голове.

Интересно, что Фаина много чего делала в своей голове такого, что другие в своей голове не делают. У Фаины никогда не было разницы между головой и жизнью. Фаине ж никто не сказал, что у жизни разница с головой есть всегда.

Среди людей были, которые молчали, разговаривали или даже спали.

Между всеми людьми ходили полицейские, доктора, сестрицы. Монашки тоже ходили туда-сюда и давали людям по потребностям. Монашки брали людей, вели в палатку и там уже давали.

Когда Фаина спаслась из воды, на ней было и платье, и туфельки. Сразу все на свете у Фаины было мокрое, а потом высохло. Но монашки не дали Фаине ходить даже и в таком сухом. Фаине в палатке дали на себя и на ноги, хоть и ношеное, а чистое.

Ходили и которые были из города. Которые из города – искали и тоже плакали и кричали на все стороны света.

Дети тоже ходили. Детей, которые не сидели или не лежали, было мало. Они были из тех, которые остались без никого, или из тех, за которыми ни у кого не было сил смотреть.

Один мальчик подошел к Фаине и спросил, или девочка не хочет посмотреть на находку.

Фаина мальчику ничего не ответила.

Мальчик сказал, что на находку надо смотреть не тут, и пошел в сторону воды.

Фаина решила, что ей надо учиться ходить хоть по адресу, хоть за человеком, и пошла за мальчиком.

Фаина и мальчик прошли расстояние, как отсюда до того дома.

И вот мальчик и Фаина дошли до воды.

Из воды наполовину высунулось платье. Платье было сильно синее и мокрое и лежало так, вроде было на ком-то. А платье не на ком не было. Платье лежало без рук, без ног и даже без головы.

Мальчик спросил у Фаины, или ей страшно.

Фаина сказала, что ей не страшно.

Мальчик сказал, что Фаина дурочка, и пошел назад.

Фаине было не страшно не потому, что она была дурочка. Фаине не было страшно, потому что она увидела знакомую по матери материю. Эта материя была бархат. На бархате можно было рисовать ногтём. Можно было причёсывать бархат частым малюсеньким гребешком. Особенно красиво бархат причёсывался, когда был мокрый. А платье было мокрое.

Гребешка у Фаины не было, а все на свете ногти были грязные. Потому Фаина обсмотрелась вокруг себя и подняла гладкий камень по весу, как половина сломанного утюжка для батиста. Из сломанного – у утюжка была ручка, то есть ручки у утюжка совсем не было. Мать в Батуме разрешала Фаине играть с утюжком. Хоть колоть орехи, хоть что, хоть просто стучать на крыльце. Крыльцо было из камней. В Батуме было много камней. Еще в Батуме были деревья пальмы.

Фаина хотела погладить бархат хоть утюжком.

Когда Фаина уже начала гладить бархат, набежала большая волна. Большая волна сдвинула и накрыла бархат. И бархата у Фаины не стало. Фаина со всей своей силы нацелилась утюжком в большую волну. Волна приготовилась плакать. Фаина уже давно знала, как надо готовиться плакать, и потому решила не ждать, пока волна начнет.

Фаина кинула утюжок в волну. Утюжок ударил волну, как дверь ударила мать Фаины, – сбоку.

Волна упала и сделалась малюсенькой. Интересно, что если б волна подготовилась и у волны получилось заплакать, у Фаины б тогда не получилось.

Фаина сама пошла на свое место и благополучно пришла.

И вот Фаина пришла и села на свое место.

На месте Фаина сидела на платке, платок постелила на песок хорошая тетечка. Сначала Фаина сидела рядом с тетечкой, а потом тетечка ушла, куда приехала. Тетечка б ушла еще раньше, но она ожидала, пока из моря выкинется ее чемодан. Тетечка пять раз ходила смотреть, или выкинулся чемодан. Чемодан никак не выкидывался, и тетечка попросила соседку справа, если что, переправить чемодан на Ровную улицу в дом Любарского. Тетечка сказала, что чемодан толстый, желтый, кожаный, на двух ремнях, Менделеев и сын. Соседка честно пообещала.

Эта соседка справа спросила у Фаины, или она что-нибудь знает про свои чемоданы. Фаина сказала, что было два толстых желтых чемодана на двух ремнях каждый. Еще корзина. И еще сумочка, как у всех на свете женщин, тем более на пароходе.

Соседка сказала, чтоб Фаина пошла посмотреть.

Фаина посмотреть не пошла.

Фаина решила – если что, чемоданы б сами пришли. Один чемодан привел бы другого, или другой одного.

У себя в голове Фаина уже знала, что чемоданам даны ремни, чтоб кто попало не думал, что это у чемоданов руки. Еще Фаина знала, что рукам все равно, хоть они и ремни. Корзину б чемоданы тоже принесли, и сумочку тоже. Потому что за две руки сразу никто на свете не ходит, тем более чемоданы. Один чемодан дал бы одну свою руку другому чемодану, а другую дал бы корзине, а другой чемодан дал бы одну свою руку чемодану, а другую дал бы сумочке.

Фаина спросила соседку справа, сколько у соседки чемоданов по счету и по ремням. Соседка сказала, что чемоданов два и без ремней, хоть чемоданы обвязаны хорошей веревкой. Фаина смолчала и в голове у себя сильно пожалела соседку за напрасную надежду на чемоданы.

Тетечка ушла и оставила Фаине на память малюсенькую торбочку с леденцами для хорошего желудка. Торбочка была мокрая и прилипучая. Если б торбочка не спаслась в сумочке

у тетеньки, торбочка б никогда не выкинулась. Наверно, тетенька это понимала и надеялась. Интересно, что тетенька чемодан не удержала, а сумочку удержала.

Фаина начала распутывать тонюсенький шнурок на стяжке у торбочки. Шнурок не давался. Мать перекусывала нитки зубами, а Фаине запрещала, потому что у Фаины были еще молочные некрепкие зубчики. Фаина через наблюдение и труд сама научилась перекусывать. Шнурок – это совсем не нитка, потому Фаине пришлось тяжело. Шнурок от солнца почти что уже высох, но Фаина его сильно заслюнявила. Нитки Фаина тоже заслюнявливала. Фаина думала, что в этом тоже разница между женщиной и девочкой – женщина не слюнявит.

И вот торбочка открылась. Фаина тряханула торбочку, и на колени почти что все вместе упали почти что до конца обсмоктанные от воды леденцы.

Фаина засунула в торбочку пальцы и стала щупать. Фаина нащупала еще сколько-то леденцов по углам. Фаина вывернула торбочку наоборот.

Фаина думала нащупать в торбочке часы, которые бывают у мужчин в кармане. Мать держала такие часы на блюдечке перед карточкой отца. Карточка стояла на комодe и была такая, что лицо отца виделось в самых крайних чертах. То есть было видно, где щеки и нос кончаются, а где начинаются – уже не видно. Мать целовала карточку, когда показывала отца женщинам, а когда женщин рядом не было – никогда на свете не целовала.

Однажды Фаина попросила у матери, чтоб мать разрешила Фаине тоже поцеловать карточку. Мать сказала, что девочки не должны целоваться с незнакомыми мужчинами.

Фаина задумалась, но не поинтересовалась. А ночью Фаина достала карточку и крепко поцеловала в губы, как делала мать при чужих женщинах.

У отца были усы, которые на двух концах закручивались в почти что узелок, а губы на карточке почти что не виделись. Фаине пришлось хорошо постараться, чтоб не уколоться.

На часах отца, которые лежали себе на блюдечке, на самой спинке была сделана тонюсенькая надпись на три строчки: «Дорогому за любовь». Мать читала надпись при женщинах в голос и обещала дочечке тоже при женщинах, что часы будут для мужа Фаины.

Фаина не сильно понимала разницу между отцом и мужем, потому что не знала, как это, когда отец и когда муж.

* * *

Когда Новиков бежал встречать невесту, в городе уже почти что все на свете знали, что пароход «Владимир» совсем утонул, хоть кто-то и выплыл. Новиков тоже знал. Другие люди надеялись. А Новиков был не другой и не надеялся, хоть и бежал.

Новиков уже понял, что он бежит своими ногами зря, что его невеста лежит себе на дне с водой по самое горло. Это Новикову сказало его сердце.

Когда Новиков прибежал встречать свою невесту, его попросили пройтись туда-сюда и посмотреть на живых людей, которые спаслись. Новиков так и сделал.

У Новикова насчет Фаины сердце сказало не сразу, а только на третий раз.

Новиков от души сильно любил порядок во всем на свете, и потому прошелся туда-сюда ровно три раза. И на последний раз сердце у Новикова не смолчало и подсказало-таки, что Фаина – это есть Фаина. Тем более у Фаины волос был такой же, как у матери, – под пепел и сильно мелко куделькался. А мать Фаины Новиков воочию представлял себе по карточке, которую сделали в Батуме, у Варжапетяна, за Михайловским базаром.

Сваха показывала Новикову карточки и других женщин, а Новиков выбрал мать Фаины с дочечкой, хоть фото дочечки не видел.

Новикову было сорок лет.

Интересно, что Новиков одевался не как купец из азбуки, а как мужчина – пиджак, шляпа, прочее и шевровые ботинки. Новикова некоторые хвалили, что Новиков из своего папы взял и скаканул по своему виду и в коммерции на высоту вроде заграницы.

На лицо Новиков был не сильно красивый, хоть и брюнет. На фигуру Новиков был немножечко лучше, потому что имел рост и плечи.

Новиков мечтал взять себе такую женщину, которая бы всю на свете жизнь понимала свое счастье. Покойная жена Новикова своего счастья не понимала. Новиков спрашивал у жены почти что каждый день, или она понимает. А жена сначала никак не понимала, а потом скоренько умерла себе.

И вот Новиков спросил у Фаины, как называется ее фамилия и где в настоящую минуточку находится ее мать.

Фаина ответила на все на свете вопросы Новикова как могла.

Новиков погладил девочку по голове.

Фаина спросила у Новикова, кто он такой.

Новиков сообщил Фаине про себя все на свете и пообещал ради памяти своей покойной невесты сильно заботиться о Фаине всю свою жизнь до самой смерти.

Новиков решил оставить Фаину у себя в доме. Тем более новиковский дом был новый, каменный, на два этажа и с хорошим фундаментом. Еще дом был широкий в ширину и длинный в длину. У дома было два входа – парадный вход и черный вход. Через эти входы и выходили тоже. К черному входу подъезжали лошади с подводами и поклажей, а к парадному подъезжали люди на чем-нибудь.

У первого этажа было две половины. На половине, которая была вторая, торговал магазин с материей. Интересно, что люди входили в магазин с угла.

Новиков своими руками не торговал, а нанял людей. Люди работали, торговали, а Новиков богател. Царизм есть царизм.

Где магазин не торговал, там жил Новиков и жила его старшая сестра Елизавета. На втором этаже тоже жил Новиков и жила его старшая сестра Елизавета. Еще жили в доме и две прислуги. А кухарка жила только днем, хоть и до самой ночи.

* * *

Тело матери Фаины выловили через пять дней. До этого дня вылавливали другие тела, и Новиков ходил смотреть, чтоб не оставить свою невесту без своего дорогого ей как невесте внимания.

Фаина не думала, что предстоит еще хоть зачем-то увидеться с матерью. Фаина думала, что мать уже живет себе на небе и шьет белье тамошним хорошим женщинам.

Фаине почти что каждую ночь с заходом на утро снился один сон. В этом сне фаинская мать поднималась из воды и тихонечко шла себе на самый верх неба. За матерью своим ходом шел ослик с хорошо знакомой Фаине поклажей – два желтых чемодана на ремнях и корзина. В одной руке мать держала сумочку, в другой – пробковый пояс.

В сне Фаина хотела, чтоб мать бросила пояс своей дочечке. Фаина не хотела спастись с лица земли. Но Фаина думала, что если мать бросит пояс своей дочечке, так матери будет спокойней.

Фаина просыпалась и жалела ослика, а мать и себя не жалела. Мать будет на небе и при работе, Фаина будет на земле и при новом доме, а ослику как будет? Поклажу с ослика снимут,

и иди себе, ослик, на все на свете стороны чистого неба, потому что на землю с неба никому выдачи нету.

Этот ослик тоже был Фаине хорошо знакомый как проживающий во дворе соседки – старухи Жабаровой.

И вот все дни до пятого дня Фаина проживала в новиковском доме. Тем более новиковскую сестру Елизавету в городе считали женщиной строгой, хоть она была незамужняя и прочая.

Елизавета была чуточку горбатенькая на одно плечико. И личико у Елизаветы было чуточку горбатенькое.

Интересно, что Елизавета имела образование. Папа постарался для Елизаветы и поимел за это сильные насмешки своих товарищей, потому что при царизме купцы выступали за реакцию и темноту. Папа Елизаветы в основном выступал за такое же, но свою дочечку взял и отдал в гимназию. Мамы у Елизаветы не было, потому что мама умерла от родильной горячки, которая прицепилась при рождении на свет Новикова-сына.

Папа Елизаветы сложил у себя в голове, и у папы там получилось, что пускай увечная дочечка выучится и, если что, будет зарабатывать себе кусок хлеба уроками. Если б папа был побогаче, тем более без долгов, тогда б папа наметил себе найти дочечке на хорошее приданое жениха. Папа побоялся, что сначала приданого на жениха не хватит, а потом папа умрет от чего-нибудь и еще с долгами. А про Новикова-сына папа ж еще не знал, что Новиков-сын пойдет дальше папы по капиталу и, если что, даст сестричке копеечку на хлеб и на водичку.

И вот папа умер от водянки и оставил сироток на хорошего дядю по материнской линии.

Елизавета училась и тянулась за девицами из дворянок. Эти дворянки по рассказам Елизаветы знали, что Елизавета народилась красавицей, а на крестинах бывший в церкви проездом князь Беловежский-Зубринский уронил Елизавету, когда взял на свои руки поцеловать младенца.

Дворянки жалели Елизавету. Особенно жалела дворянка Елена, у которой папа был член городской управы и имел всемерный кредит у папы-Новикова, а потом и у хорошего дяди, который тоже торговал, хоть и не материей.

Этот папа и помог Елизавете – пристроил служить в женскую гимназию. Там Елизавета начала показывать себя со всех своих сторон и показала до того, что пошла в гору. Тем более Елизавета еще с классов умела хорошо говорить с кем надо, а с кем надо – не говорить, а наоборот.

В основном Елизавета следила, чтоб у гимназисток в головах не заводилось лишнего. По совету одного немца Елизавета прописывала им физкультуру, которая при царизме считалась гимнастикой, и обливания холодной водой.

Через сколько-то лет на холодной воде здоровье у Елизаветы подорвалось.

Про свое здоровье Елизавета рассказывала сама. Если б Елизавета сама про свое не рассказывала, никто б на свете ничего такого не заметил.

А заметили люди совсем другое. Елизавета, вроде по службе, визнавала, кто из папаш девиц вдовый и не хочет ли такой папаша опять на ком-нибудь жениться.

Один вдовый папаша взял и написал инспектору, что жениться на Елизавете ни за что не хочет. Так все и вышло наружу. А Елизавета вышла со службы и зажила дома как сестра брата на братниных хлебах с чистым сливочным маслом.

* * *

И вот Новиков на пятый день поехал узнать, как обстоит дело с его невестой.

Поехал Новиков на место, куда свозили утопленников, утопленниц и прочее.

Новикову в конторе мужчина остороженько сообщил, что почти что никого из воды больше не выловили, а выловили только одну женщину молодых лет в репсовом голубом платье и прочем. Еще мужчина сказал Новикову, что волос у женщины хороший.

Новиков сказал мужчине, что ему сердце уже тихонечко говорит и предупреждает про плохое.

Интересно, что женщина-утопленница получилась-таки мать Фаины.

У Новикова мужчина спросил, или он узнает тело своей невесты.

Новиков так расстроился, что сказал не как положено по форме. А по своему несчастному чувству одинокого жениха сказал, что да, что это и есть новиковская невеста, что тела своей невесты Новикову из-за судьбы узнать не дано.

Мужчина сильно пожалел Новикова и позвал служителя.

Служитель поднес Новикову воду с каплями.

Мужчина тихонечко подождал, пока Новиков все на свете выпьет.

Потом мужчина сказал Новикову, что надо будет прийти тогда-то и туда-то для дальнейшего.

Прямо от утопленницы Новиков явился в свой дом и все рассказал сестре Елизавете – до самых неприглядных подробностей про теперешнюю внешность своей покойной невесты. Новиков дословно передал и то, что узнал в «Акте поднятия из воды мертвого тела» про отделение мягких частей и про прочее.

Елизавета утешила брата хорошим словом и позвала в комнату Фаину.

Фаина послушала Новикова и упала на пол без всех на свете чувств.

В новиковском доме на полах везде были расстелены ковры, и Фаина ничем своим не ударилась, а просто полежала себе немного, как утопленница на мягком дне.

И еще прошло немножечко дней.

Новиков сильно переживал, что не осчастливил Марию и что Мария не говорит по сколько-то раз на дню Новикову своего спасибо. А если Новиков уже наладился счастливить, так Новикову дай под руку хоть кого.

Как раз под руку Новикову попала сиротка Фаина. Новиков начал рассказывать всем в городе, что возьмет и скорей скорого осчастливит несчастненькую.

При царизме все делалось по бумагам еще больше, чем у нас в жилконторах. В жилконторах бумага нужна для учета и контроля, а при царизме – для неправды. Потому Новиков постарался, и хорошие люди за копеечку завели дело с голых слов Новикова и выдали бумагу, что дело уже в ходу.

И вот сиротка еще до устройства нужных бумаг называлась новиковской воспитанницей, а Новиков каждый час спрашивал у Фаины, или Фаина стала счастливая. Фаина говорила Новикову, что стала, и просилась подержаться за новиковскую руку.

* * *

Бумаги, которые выдали Новикову на Марию как утопшую, требовали своего хода. Бумаги на Фаину тоже требовали своего. Потому в Батум послался мужчина по фамилии Серковский, который имел новиковское поручение.

Еще Серковский имел рост с плечами еще лучше, чем у Новикова, усы с бородочкой, брови на разные стороны и волос под завив, как на картинке в парикмахерской Зигеля. А на картинке еще было подписано, что это поет артист пения Капуль. Только Капуль был брюнет, а Серковский – шатен с рыжиночкой.

* * *

Пока случилось все, что уже случилось, если считать со дня отхода парохода из Батума в Одессу, дом Фаины сгорел до последней иголки с ниточкой.

А было в доме Фаины три комнаты. Из хорошей мебели в доме было – комод и шкаф с резьбой в виде винограда под листочками. Интересно, что в Батуме голубцы заворачивают не в капусту, а в виноградные листочки. И называют уже голубцы не голубцы, а долма. Бывает даже, что в долме совсем нету мяса, хоть из науки давно уже известно, что человек всегда надеется на мясо.

Дом Фаины сгорел и пошел себе с дымом.

А что из дома пошло не с дымом, то пошло с хорошими людьми.

Когда пожарная команда со всех на свете сторон тушила огонь, начался сильный дождь с грозой, молнией и прочим. Люди смотрели, как тушат, и не захотели стоять с опущенными рукавами и мокнуть без пользы. Потому люди позабিরали себе все, что еще получилось забрать голыми руками.

Почему дом Фаины зажегся, доподлинно не знал никто.

Интересно, что на той же улице больше ничего не сгорело, хоть через забор от дома Фаины торговала керосиновая лавка и у лавки во дворе стояла сильно полная бочка с керосином.

Некоторые люди говорили, что хорошо, что бочка стояла в большой луже. А большая лужа случилась из-за того, что как раз рано утром, за час до пожара, хозяйка керосинщика стирала рядом с бочкой и нечаянно перевернула свое корыто.

Другие некоторые люди говорили, что правду знает один только Бог.

* * *

Серковский не испугался потопления и поехал в Батум морем.

Серковский доехал благополучно и поселился в гостинице на улице Набережной, почти что рядом с самой водой. Серковский был смелый человек, потому Новиков ему сильно доверял все свои дела.

Гостиницу как-то звали. Похоже на «Белье», только не «Белье». Гостиница была вся белая, и балконы по краям вроде завернутые кружевом из железа.

Серковский сразу узнал, что дом Фаины сгорел. Но Серковский опять не испугался, а начал ходить по нужным местам и говорить с такими же людьми.

У Серковского был портфель – черный, яловый, с вдавленным узором спереди и назад. Спереди на портфельном узоре летела большая птица, а под ней скакал маленький зайчик. Назади тоже летела большая птица, а маленький зайчик уже не скакал. Зайчик телепался на небе, потому что находился в когтях у птицы.

Серковский сообщал тем, кто спрашивал про событие, которое описано на портфеле, что так же бывает и в жизни и что важно иметь у себя в голове две стороны одного дела.

У Фаины дома жил волнистый попугайчик. Фаина просовывала свой пальчик между прутиками, и попугайчик целовал фаинский пальчик. Попугайчик был не человек, а целовал пальчик, как усатый мужчина, с укольчиком. Фаина не плакала и на следующий раз опять шла к попугайчику за поцелуем.

Еще у Фаины жил сшитый зайчик. У зайчика глаза и рот были пуговичные, а пуговички были сделанные из ракушек, которые с острыми краями. Когда зайчик целовал Фаину, Фаине было такое же, что Фаине было от попугайчика.

Мать тоже любила попугайчика и хвалила за цвет и за талант к песне. Фаина не знала, или мать любит зайчика, но знала, что мать никогда зайчика не хвалит.

Фаина на слух сочинила про это стих:

Зайчик, мой зайчик!
А ты ж не попугайчик...
Зайчик мой скачет,
И попугайчик скачет.
А если б мой зайчик
Пел, как попугайчик...

* * *

Серковский считался хорошим адвокатом, потому в серковском портфеле всегда лежали важные бумаги.

А бумаги, которые Серковский повез из Батума Новикову в Одессу, получились сильно важные.

Как-то оказалось, что у Фаины отца никогда не было, что мать Фаины родила дочечку просто от мужчины, что она придумала все на свете, хоть своего ребеночка и не придумала.

Сведения Серковский получил из достоверных рук в двух местах сразу. Одно место получила консистория с бумагами про Фаину без отца, а второе место получила полиция – тоже с бумагами, только с другими.

В полиции мешанка Такая-то Мария была давно известная со всех на свете сторон, хоть в последние годы в этих самых сторонах уже вроде и не замечалась.

В молодом прошлом у Марии дело почти что дошло до желтого билета, но скоренько остановилось, потому что одна женщина, мадам Петухова с Мариинского проспекта, нашла молодой тихой девушке-сиротке хорошего пожилого мужчину, который взял Марию к себе в дом для тихого удовольствия, а не как другие – чтоб возить перед разными глазами и по-дурному тратиться.

Петухова тоже была хорошая и взяла с того хорошего мужчины совсем чуточку. Петухова могла б взять и больше, потому что господин Баранидзе хорошо разжился на керосинопроводе.

Интересно, что Петухова тоже хорошо разжилась на том же самом.

В 1875-м капиталист Нобель начал в Батуме переливать нефть туда-сюда, а через годик Петухова открыла свой дом с женщинами. Получилось удачно, потому что много мужчин, которые переливали с Нобелем, требовали свое. Из науки давно уже известно, что если кто требует, тому дается. Так и тут.

В полиции Петухову уважали, потому что она на всякий случай всегда все на свете рассказывала полиции.

И вот Серковский пошел к Петуховой, чтоб узнать еще больше нужного для новиковского поручения про Марию, про ее судьбу до самой смерти в воде и прочее.

Петухова встретила Серковского со всем своим сердцем и сообщила про Марию, что знала нужного по новиковскому поручению.

Петухова сказала Серковскому, что не знает, от кого у Марии получился ребенок, хоть у Марии как девушки всегда мог получиться ребенок от мужчины.

Еще Петухова сказала, что ребенок получился у Марии только не от господина Баранидзе. Что если б от Баранидзе, тогда ребенок по цвету получился бы брюнет. Тем более жизнь к тому времени забрала у Баранидзе свое, и он был уже насчет любви – больше потрогать-погладить.

Серковский спросил у Петуховой, когда умер Баранидзе и почему такое с ним случилось.

Петухова сказала, что Баранидзе умер почти что восемь лет назад. Баранидзе запутался ногами в одеяле у себя в кровати и плохо упал на пол. Умер Баранидзе, слава Богу, не сию секундочку, а после того, как уже совсем очнулся. Мария как раз успела подставить Баранидзе свои руки, и он на этих руках взял и тихонечко умер.

Петухова еще сказала Серковскому, что доктор Иванов, который осматривал покойного для порядка, рассказывал Петуховой, что это получилось для Баранидзе как мужчины самое последнее удовольствие. Еще Петухова сказала Серковскому, что вот что значит руки женщины.

Серковский сказал Петуховой, что ему как мужчине и адвокату известно про руки женщины все на свете.

Серковский попросил Петухову хорошо вспомнить и про другие рассказы доктора Иванова.

Петухова подумала и сказала Серковскому, что у Петуховой сильно защемило сердце, когда доктор рассказал, что кухарка, которая прибежала на крики горя Марии, застала Баранидзе в виде почти что младенца на коленях матери, то есть Марии. Что доктор даже сразу не угадал, где получилось лицо Баранидзе.

Серковский спросил, где же доктор угадал лицо Баранидзе.

Петухова сказала, что лицо Баранидзе получилось у Марии между двух грудей – правой и левой. Что лицо Баранидзе было обкружено грудями молодой девушки. Еще Петухова сказала, что получилось, как в театре, – две груди женщины приняли один вздох мужчины, тем более последний.

Серковский как мужчина согласился, что получилось, как в театре, что бывают у женщин такие груди – правая и левая тоже, которые примут и вздох, и прочее.

Потом Серковский спросил, или не оставил Баранидзе хоть каких-то тайных распоряжений на пользу Марии.

Петухова не знала и это, но посоветовала Серковскому не думать, что Баранидзе не обеспечил Марию. Петухова ходила смотреть на домик Марии, и ей сильно показалось, что он похож на Баранидзе – маленький, и труба торчит не крепко, хоть и ровно.

Серковский спросил у Петуховой, кому же досталось все на свете имущество Баранидзе.

Петухова сообщила, что у Баранидзе в Петербурге жил троюродный племянник. Племяннику дядя свое все на свете имущество и отписал.

* * *

Серковский был еще и сильно способный к пониманию.

Серковский у себя в голове сложил одно с другим, и у Серковского там получилось такое.

Доктор Иванов сообщил Петуховой о последнем удовольствии Баранидзе. А последнее потому и считается в науке последнее, что бывает же и предпоследнее.

Баранидзе умер в самом начале зарождения в Марии ребеночка.

Мария подставила руки так хорошо, что Баранидзе очнулся, а все ж таки умер.

Баранидзе имел капитал, а прямых наследников, наоборот, не имел.

Серковский у себя в голове сложил одно с другим, и у Серковского опять получилось.

Ребеночек у Марии зародился от Баранидзе. А брюнетность Баранидзе ничего не значит.

Серковский взял для примера такое: Серковский всю свою жизнь мечтал быть блондином, а никогда не стал больше шатена. На таком примере Серковский вывел, что ребенок у Марии от Баранидзе.

И вот Мария поделилась с Баранидзе новостью.

Баранидзе новость Марии про ребеночка не понравилась.

Мария на такое сильно обиделась и столкнула Баранидзе с кровати.

По своей привычке Серковский увидел в своей голове такое.

Сначала руки Марии скинули Баранидзе с кровати.

Потом Мария не поторопилась подставить две свои руки – левую и правую – под удовольствие Баранидзе, а подождала, или Баранидзе очнется.

Баранидзе очнулся. И Мария опять нашла дело своим рукам и сильно захотела придушить Баранидзе.

Мария, которая была хоть и тихая, но уже опытная с мужчинами, побоялась наследить всеми своими руками и потому уперлась всеми своими грудями в лицо Баранидзе, а руки направила в безопасное для себя – как для убийцы – место.

И вот Баранидзе уже телепается на небе, а Мария рыдает без капитала на себя со своим будущим младенчиком и считает, или хватит полученного при жизни Баранидзе своего обеспечения на домик.

Серковский не остановился на том, что у Серковского уже получилось, а вывел такое.

Мария через прошедшее малюсенькое время сильно пожалела, что погубила Баранидзе, но сделанное сделалось и обратно идти уже никак не хотело.

Возле Марии в нужную минуточку не было доверенного, пускай бы и опять хорошего, мужчины, который пояснил бы, что хоть наследства от Баранидзе незаконному ребеночку не полагалось, а все ж таки у законного наследника можно было б и попросить то и сё – под честное слово не рассказывать на всех на свете углах Батума про Баранидзе то и это.

И вот наследник-племянник Баранидзе явился и получил. А Мария, наоборот, осталась, где уже получилась.

После всего такого Серковскому пожар увиделся в новом свете огня.

Когда Новиков сватал Марию, он сватал законную мать-вдову с малолетней дочечкой. Дура-сваха божилась, что личными глазами видела бумаги на мужа вдовы, не говоря уже про карточку с часами, и обещала, что Мария привезет и покажет – и себя, и бумаги, и прочее.

А где Мария?

А Мария показала себя – хоть и во всей своей мокрой неприглядности.

А бумаги где?

А не было никаких законных бумаг.

Дуру-сваху Мария подкупила и недорого дала.

Может, поддельные бумаги и были, так они теперь водой скушанные и водой же запитые. Тем более при жизни Мария рассчитывала, что она перед Новиковым будет сильней всех на

свете бумаг. Из науки уже давно известно, что женщина в сравнении с бумагой – это большая сила.

Серковский у себя в голове еще поскладывал одно с другим, и у Серковского там получилось, что не было у Марии для Новикова никаких бумаг – ни дельных, ни поддельных.

А была у Марии голая сила женщины перед мужчиной.

А чтоб такая сила стала еще сильнее, Мария сговорила с нехорошим человеком, и дом зажегся. Может, Мария хотела сказать Новикову, что как назло бумаги остались дома и что теперь Бог с ними совсем, и с прошлым домом тоже Бог, а Мария – вся тут и здесь тоже – и голова с волосом в кудельку, и туловище с двумя грудями, и ноги с откуда ноги у женщин растут. Бывает, что ноги у женщин растут с такого места, что Господи, помоги...

Потом Серковский подумал, что Марии жечь свой дом было не сильно надо. Вода в таком случае получалась даже лучше, чем огонь, – уронила бумаги в бурную воду и – ой! Может, потому и поехала Мария морем, хоть и доездила. А пока бы послали за другими бумагами, за тем, за сем, оно как-то ж уже у Марии и сладилось бы с Новиковым...

С такими мыслями Серковский прилег себе переночевать.

Утром Серковский переночевал и пошел по женщинам.

Серковский обошел улицу, на которой до пожара стоял дом Фаины.

Потом Серковский обошел еще две улицы и почти что все на свете выпросил у женщин, которые знали Марию в бытность ее живой и здоровой.

Женщины знали Марию как честную вдову, у которой на комодке любимый муж и часы с «Дорогому за любовь». Про неправду Марии эти женщины ничего не знали.

Серковский был человек, который про себя считал, что имеет не только совесть, но и стыд. В жизни людей такое случается редко. А не редко – когда у человека имеется одно из двух. Когда у человека всего на свете по одному, это плохо. Но стыд и совесть вместе – это сильно много для человека, потому что в основном получается тесно. Как человек, у которого не тесно, Серковский на всякий случай ничем про Марию с женщинами не поделился.

* * *

Пробыл Серковский в Батуме две недели, а потом поехал обратно в Одессу.

Пока Серковский ехал, он думал.

Сначала Серковский подумал, что Новиков, раз такое дело, может выгнать сиротку бесчестной матери на улицу.

Потом Серковский подумал, что Новиков сиротку не выгонит. Не дурак Новиков, чтоб стать перед людьми и сказать, что Новиков получился дурак дураком.

Потом Серковский подумал, что хорошо бы на всякий случай взять дело сиротки в свои руки. Что надо еще посмотреть, что это за такой Баранидзе-племянник. Что, может, у Баранидзе-племянника есть сладенькое местечко для вкусенького укуса на весь рот с зубами. Что, может, если что, Баранидзе-племянник потихонечку делается не жадный. Что, если ручеек потечет куда назначено, можно будет со временем к сиротке Фаине и посвататься и через воспитанницу почти что породниться с Новиковым в рассуждении всего хорошего и с этой стороны.

Сам по себе Серковский был как раз без жены. По годам Серковскому исполнилось тридцать лет, и, если что, на восемь лет серковского терпения хватило б. Тем более свечку под ним никто держать не захочет и прочее.

Еще Серковский подумал, что если раньше подвернется хорошая невеста, можно будет Новикову подсказать, что Фаина получилась с грошиком. Новиков – человек большого сердца и отблагодарит Серковского за все на свете труды.

Серковский уже по своему опыту адвоката знал, что главное для человека. А главное – со словами никогда не надо спешить.

* * *

В новиковском доме Фаина жила в комнате с окном от самого пола до самого потолка, еще и с ангелятами в четырех углах. Фаина сказала тому ангеленку, который получился у Фаины с правой руки, чтоб он взял и стал зайчиком. А тому ангеленку, который получился с левой ноги, чтоб он взял и стал попугайчиком.

Фаина сначала не знала, а потом уже и не узнала, что фаинский дом сгорел и пошел прахом, а зайчик с попугайчиком взяли один другого за что получилось и тоже пошли таким же прахом.

Фаине сказали, что с этой минутки тот дом живет весь тут, в новиковском доме.

Фаина спросила, где же зайчик с попугайчиком.

Фаине сказали, что пускай она сама поищет и сама найдет.

Фаина поискала и не нашла.

Фаина сложила у себя в голове одно с другим, и у Фаины там получилось – если что, у Фаины будет не один и один, а два и два.

Фаина мерила стороны с лежачего положения в кровати. Кровать тоже была большая. Если приложить от самого пола, так получилось бы на половину окна и еще выше.

Из окна Фаине виделся мост, переходит туда-сюда – не хочу. Тем более под мостом не текла вода и ничего никуда не текло. Фаина и не хотела переходить никуда. Мать теперь жила не на свете, а на небо по мосту не перейдешь. В новиковском доме была уборная и комната-ванна с водой. Вода текла там и там тоже.

В комнате-ванне Фаину не оставляли одну. В новиковский дом для Фаины взяли девушку Марину, она и не оставляла.

Марина на вид была толстая и белая, с косой и с длинными руками вроде палок. Марина не брала Фаину за руку и свою руку Фаине не давала, а ходила сзади Фаины.

Марина и в уборной Фаину не оставляла, а почти что все делала за нее. Хоть главное делала сама Фаина, и потом просилась у Марины посмотреть, как все, что сделалось, уходит с водой. В ванне Фаина такого не просила, потому что проводила разницу. Что выходило из Фаины – это ж она и была. А грязь сверху Фаины – это ж уже получалась не Фаина.

Фаина много думала про то, что у людей бывает внутри и что сверху. Взять хоть такое. Бывают мосты, которые строят сверху воды. По такому мосту Фаина переходить тоже не хотела, а про воду под другими мостами думала, куда она несет Фаину, которая из Фаины.

Фаина спросила у Марины.

Марина такое доподлинно не знала, но обещала Фаине, что несет куда-то, куда Бог приведет.

Фаина знала, что Елизавета ответила бы. Но Елизавету Фаина спросить боялась.

Фаина подумала, что, может, надо спросить у Новикова. Но Фаина никогда не слышала, чтоб мать спрашивала у мужчины не про кислое молоко и прочее. Потому Фаина у Новикова и не спросила.

* * *

Так жизнь себе и была.

Новиковский дом жил богато – и еда с подносом, и выезд с кучером.

Еда давалась Фаине легко, потому что в горле ничего не застревало. Чистое сливочное масло есть чистое сливочное масло.

Сначала Фаину на кучере никуда не возили. При царизме считалось, что если кто умер, так другие сиди себе дома и не гуляй.

Елизавета знала науки. Из одной науки Елизавете было хорошо известно, что детям нужен сильно свежий воздух. Потому Елизавета два раза в день гуляла с Фаиной на балконе, который был на спине дома, как раз где человеку даны две лопатки. В сравнении Фаины балкон был большой, а сад маленький, потому что посадился не на всю спину дома, а на половину, которая первая.

Еще в первый день Фаины в новиковском доме Елизавета купила Фаине и белье, и платье, и пару туфель из парусины. Все это купилось готовое, в лавочке у Пронского.

При царизме буржуазия себе готовое почти что не покупала. Буржуазия не могла, чтоб ее туда-сюда не обхаживали портные с веревочкой для мерки. Елизавета сама записала себя в буржуазию, хоть была из купцов. Потому Елизавета и не поехала к Пронскому, а послала Марину купить Фаине на свой глаз.

Елизавета послала Марину к Пронскому не по своей жадности на Фаину, а по срочности – к Елизавете уже начали некоторые знакомые напрашиваться посмотреть на счастливую сиротку.

Елизавета пускала в дом не всех некоторых, а кого пускала, тем говорила, что ей ничего не жалко для Фаины, которая уже и не сиротка. Что еще все на свете увидят, куда Елизавета по своему уму выведет Фаину.

И вот одним утром Елизавета сказала Фаине, что придет сапожник и принесет для примера один фасон на туфли из материи атлас.

Когда Елизавета позвала Фаину мерить туфли, как раз к Новикову пришел Серковский.

Серковский вернулся из Батума с бумагами и готовился рассказать почти что всю правду.

Обычно Новиков выслушивал от Серковского правду по всем вопросам один на один. А тут позвал Елизавету, чтоб слушать правду на пару. Новиков же не знал заранее, какая у Серковского получится правда.

Как раз перед тем, как идти к Новикову, Елизавета дала Фаине в руки примерные туфли, чтоб сиротка начала радоваться.

Фаина сразу начала радоваться и целовать туфли куда попало.

Поцелуи получались гладкие, а не как с попугайчиком или с зайчиком. Потому Фаина не могла остановиться.

Интересно, что до ног Фаины туфли взяли и не дошли.

Когда Новиков позвал Елизавету вместе слушать Серковского, Елизавета забрала у Фаины туфли почти что из самого рта и наказала ждать на месте. Елизавета не терпела, если кто-нибудь из людей что-нибудь целовал и человеку сильно нравилось.

* * *

Серковский заявился в новиковский кабинет для разной работы со своим портфелем. Серковский всегда все знал на память и потому дал бумаги из своего портфеля в руки Новикову, а сам заговорил из своей головы.

Перед этим Серковский сильно удивился, что Новиков позвал Елизавету, и даже подумал, что не сможет перед ней как женщиной, тем более незамужней, выразить всю на свете жизнь Марии.

Серковский предупредил Новикова на самое правое ухо, что привез из Батума про Марию не рахат-лукум.

Новиков заверил Серковского, что как овдовевший жених готов скушать и не рахат-лукум.

Серковский опять на ухо спросил у Новикова, что, может, Елизавета выйдет и не будет тут ничего кушать.

Новиков сказал Серковскому, что нет такого рахат-лукума или чего-нибудь другого, который бы Елизавета не скушала на свое здоровье.

Серковский не засмеялся, потому что Елизавета по весу была тяжелая, особенно в ширину и прочее.

Серковский знал, что наука уже давно никому не советует рассказывать человеку нехорошую правду с первого раза. На всякий случай Серковский решил рассказать про Марию с какого-то раза.

Сначала Серковский рассказал про гостиницу, в которой поселился, потом про сам город Батум, откуда город произошел и кто там жил, потом про торговлю мануфактурой, потом про тамошний базар и про еду, потом про тамошнюю погоду, потом про тамошнее море.

Новиков слушал Серковского с вниманием и задавал разные вопросы почти что про все на свете. Особенно хорошо Новиков спрашивал про батумскую торговлю мануфактурой.

Когда Серковский начал описывать море в Батуме, Новиков попросил Серковского, чтоб он это пропустил, потому что после смерти дорогой невесты про море ему стало слушать не сильно приятно.

Серковский сказал, что если рассуждать по закону, так Марию утопило другое море, а не то, которое течет в городе Батум, и что наука уже давно советует не звать к ответу одно вместо другого.

Пока шел рассказ Серковского про все на свете в городе Батум, Елизавета слушала тоже с вниманием и тоже спрашивала, особенно про народное образование и особенно про женское.

Серковский рассказал и про это. И про то, что в городе Батум есть много хороших женщин с образованием. Что вот хоть взять мадам Петухову, которая учит молодых девушек совсем бесплатно с их стороны. Что город Батум такой город, что там всегда найдется такая сторона, которая заплатит за учебу молодой девушки.

Еще Серковский рассказал про прочее и про прочее тоже.

Пока Серковский не решил переходить от какого-нибудь раза к правде про Марию, он говорил и сидел на стуле с розовым бархатным сиденьем. А этот стул стоял возле малюсенького столика с верхом из камня мрамор. По камню шли туда-сюда разные жилочки. Жилочки на камне были похожие на жилочки на грудях у девушки Эмилии, которую Серковский хорошо

узнал у мадам Петуховой на Мариинском проспекте. Серковский даже хотел совсем не смотреть на стол, чтоб не сбиться, а смотрел, хоть и не сбивался. Адвокат есть адвокат.

И вот Серковский сидел и отдавался жилочкам и своему рассказу тоже.

Когда Серковский отдавался хоть жилочкам, хоть своему рассказу, в нем все тоже отдавалось и оставалось в таком положении до почти что благополучного выхода.

Справа от Серковского сидела Елизавета.

Когда Елизавета пришла слушать Серковского, она держала у себя в руках примерные туфли для Фаины. Елизавета ходила с атласными туфлями в руках не всегда. Получилось, что Елизавета вырвала туфли почти что из самого рта у Фаины, а выпустить из своих рук уже не смогла. А когда Елизавета не выпустила туфли, она начала держать их на своих коленях.

Елизавета была хорошо знакома с такими туфлями и знала, что их гладить даже еще лучше, чем целовать. Когда гладишь, можно своими пальцами дотти почти что до всего на свете. Тем более у туфель внутри тоже гладкое.

Новиков сидел слева от Серковского и крутил у себя в руках карандашик. Карандашик почти что каждые две минуточки выворачивался из новиковских рук и падал на пол – то возьмет и упадет на сторону Серковского, то возьмет и упадет на сторону Елизаветы. Когда Новиков наклонялся за своим карандашиком, глаза Новикова упирались то в руки с туфлями, то в брюки с отдачей.

Почти что каждые две минуточки Новиков хотел откинуть карандашик на третью сторону, но сила к познанию природы человека в Новикове была сильней. Хоть при царизме никакого познания быть не могло.

Интересно, что при такой нагруженности Новиков пил черный чай без сахара.

Елизавета ничего не пила, а только смотрела сладкими глазками на графин с лимонадом, тем более руки у Елизаветы были сильно заняты.

Серковский тоже ничего не пил, хоть руки у Серковского были свободные. Руки у Серковского были свободные, а рот почти что не закрывался от слов. А человека устроили так, что открытый рот у человека не всегда принимает внутрь, а только когда человек не говорит.

Настал час которого-то раза, и Серковский замолчал, открыл рот и выпил целую чашку чая с лимонадом.

Елизавета заметила такой беспорядок и спросила Серковского, что у Серковского происходит.

Елизавета спросила, может, Серковский вернулся из Батума больной. А если больной, так чем? Заразная или не заразная у Серковского болезнь? Если болезнь заразная, так через что именно?

Серковский честно переждал вопросы Елизаветы про свое здоровье и сказал, что сейчас будет рассказывать самое главное, главней мануфактуры и женского образования.

Серковский сказал: Мария – нечестная женщина, ребенок – незаконный, отец – посторонний совратитель господин Баранидзе.

Тут глаза у Елизаветы взяли и закатились без всех на свете чувств.

Сначала на ковер попадали атласные туфли, а потом попадала и сама Елизавета.

Если человеку суждено упасть, сначала это понимает то, что у этого человека держится в руках, и падает первой.

Особенно первой понимает такое кошка.

Серковский и Новиков кинулись к Елизавете.

Глаза у Елизаветы уже вернули себе чувства, хоть и смотрели вбок.

Серковский с Новиковым перенесли Елизавету на диванчик – весь из розового бархата. Елизавета повернулась к диванской стенке и сказала, чтоб сейчас же выкинули из комнаты туфли, на которые она больше не может смотреть своими глазами.

Серковский взял и выкинул туфли за дверь.

Елизавета не повернулась, а своей спиной сказала Серковскому и Новикову, что, когда по городу пойдут разговоры, к какой женщине сватался Новиков и какую дочечку-сиротку пустил к себе в дом, будет сильный позор. Еще Елизавета сказала, что сейчас заранее умрет и советует Новикову тоже заранее умереть.

Елизавета заранее взяла и не умерла, а Новиков взял – и умер.

Наверно, сердце сильно много всего на свете наподсказывало Новикову, потому он не стерпел и поторопился.

* * *

Серковский имел привычку не теряться ни в какие минуточки своей жизни и даже чужой смерти. И в минуты смерти Новикова Серковский не потерялся.

Когда Новиков упал, где стоял, Серковский скаканул к Новикову.

Новикова уже не было в жизни.

Серковский хорошо знал Елизавету, потому сказал, что Новиков сильно устал и что пока Новиков себе отдыхает, Серковский доскажет свое, и все перевернется на хорошее.

Серковский уже сложил у себя в голове то с этим и не захотел терять будущую фаинскую копеечку, хоть еще не посчитанную и в руках не держанную.

А Серковский переворот получился такой.

Где город Батум, и где город Одесса. И кто такая Мария, чтоб слава про нее дошла оттуда сюда, если даже на соседних с Марией улицах никто ничего плохого про Марию не знает. А кто знает, тот живет себе не на тех улицах и будет тихонечко молчать, потому что имеет понятие о благодарности человека человеку. Тем более у того, кто знает, еще осталось много всяких дел в женском образовании.

Полиция и другое место тоже про Марию знает. А кто полицию и другое место спросит? Чтоб спрашивать и чтоб ответили, человеку надо иметь разум. Где разум и где человек. Это если не считать тех, кто умные. А с умными всегда можно договориться.

Елизавете надо оставить Фаину себе как воспитанницу. Тем более Фаина будет стоить недорого, а сиротке по людской справедливости, хоть и не по голому закону, можно твердой рукой вырвать капитал от наследника господина Баранидзе.

Елизавета слушала Серковского и тихонечко вставала со своих коленей, на которые раньше уже спустилась посмотреть на отдых Новикова. Елизавета не хотела мешать Новикову и потому не трогала его ни своей рукой, ни своей ногой.

Когда Серковский сказал про справедливость, Елизавета спросила, сколько это получится в деньгах.

Серковский сказал, что получится сильно хорошо. Если капитал вырвется, так опекунша в накладе не останется и прочее. Если ничего на свете не вырвется, тогда пойдет сиротка в

приют, а людям скажется, что сиротка получилась сильно слабая на здоровье и послалась в лечебницу на долгие годы.

Потом Серковский сказал, что, как видно, Новиков уже не отойдет от своего отдыха и что распорядиться всем на свете будет Елизавета. Так почему бы сейчас не решить все, что же само просится для решения и прочее.

Серковскому было дано уметь думать быстро. Серковский и подумал, что ему даже будет лучше от смерти Новикова.

Елизавета в делах была еще дурей, чем в другом, потому Елизавете без умного советчика никак. А тут Серковский – все знает, ходы, выходы, отсюда туда и оттуда сюда. И будет Елизавета с новиковскими денежками телепаться в серковских зубах, как зайчик на портфеле. На то дайте хорошему человеку Серковскому, дорогая Елизавета, и на то дайте тоже хорошему человеку Серковскому. И так до самой счастливой женитьбы Серковского на забогатевшей Фаине. А не забогатеет Фаина, так Бог как-то уже даст Серковскому другое хорошее.

С племянником Баранидзе Серковский рассчитал договориться тихонечко и скоренько.

Елизавета послушала, что рассказал Серковский. А что Серковский не рассказал, то Елизавета не послушала.

Послушала Елизавета Серковского и сразу засомневалась насчет вырывания фаинского наследства.

Когда Елизавете было сорок лет, у Елизаветы полезло два зуба мудрости. Оба зуба сильно болели. У человека если мудрость лезет рано, тогда еще можно стерпеть, а если уже в такие годы, совсем плохо.

Лучший в городе доктор по зубам Гуревич сказал Елизавете, что вырвет два зуба мудрости, и вырвал. Но на месте двух зубов остались такие большие ямы, что Елизавета в них проваливалась. Особенно такое происходило, когда Елизавета начинала мудрить.

Потому Елизавета сказала Серковскому, что, с одной стороны, Фаина это Фаина, и как оно там повернется, никто не знает. А с другой стороны, Новиков оставил все на свете свои дела хоть и в хорошем порядке, а кто ж этот порядок хорошо знает.

Елизавета сказала Серковскому, что если б Елизавете кто-то дал мужскую руку, тогда б все на свете устроилось. Еще Елизавета сказала Серковскому, что если у Серковского имеется пустая рука, так пускай Серковский этой самой рукой женится на Елизавете и будет, если что, заодно опекать Фаину.

* * *

Серковский сложил у себя в голове одно с другим, и у Серковского там получилось, что надо жениться на Елизавете, попользоваться Елизаветиным наследством от Новикова, а потом уже как-то Бог приведет ему в жены сиротку-воспитанницу. Тем более из науки Серковский уже знал, что женщины тоже люди и хорошо умирают.

Серковский тихонечко сказал Елизавете, что вот его пустая рука.

Потом Елизавета сказала, что пора бы позвать кого следует к Новикову.

Серковский опять не потерялся и сказал, что хорошо бы к Новикову никого не звать, а потерпеть до ночи и отнести покойничка в погреб. Пускай покойничек еще полежит, пока Серковский через хорошего человека подправит фаинскую метрику под слова, которые говорил Новиков кому следует со слов дуры-свахи. А когда фаинские бумаги выдадутся через Сер-

ковского вроде Новикову, тут Новиков вроде и отдаст Богу душу от нахлына чувств, а перед этим вроде словом при Серковском поручит Фаину Елизавете. Тем более Елизавета с Серковским всем на свете расскажут про свое счастье, и сиротке дадутся вроде воспитатели на добрую память и прочее. Новую бумагу спишут со старой, и все хорошо покроется.

И вот как-то уже получилось у Серковского с Елизаветой вынести Новикова и положить в погреб на холодное. Лед с прошлого года в погребе уже весь растекся, а холод еще был, хоть на льду покойничку лежалось бы совсем хорошо. Вот и сейчас папанинцы сильно хвалят лед, говорят, что лед полезный для всего на свете и для науки тоже.

Через сколько-то Серковский взял бумагу. Потом покойничка достали из погреба как живого.

Потом Новиков вроде умер.

Потом сказалося про счастье Елизаветы с Серковским и про Фаину тоже.

Потом Новикова положили в гроб с глазетом.

* * *

Пока гроб с Новиковым стоял на столе в самой большой новиковской комнате, Фаина ничего не ела. Тарелка б на столе поместилась, но Фаине в горло ничего не лезло, хоть с чистым сливочным маслом, хоть без.

Фаина обиделась на всех на свете, что мать на новиковский стол не ставили. Марию из покойницкой повезли в церковь, а потом на кладбище.

Когда поп брызгал на Марию, Фаина плакала сильнее. Фаине было страшно, что мать забрызгают до мокроты и мать подумает, что она опять утонула.

Фаина занадеялась, что Новикова в церкви забрызгают до самой ниточной мокроты. Тогда Новиков до рая не успеет высохнуть, и матери будет приятно, что Новиков тоже утонул.

Раз Фаина взяла и положила сухую рубашку на мокрое полотенце, и рубашка потом взяла и вся на свете сделалась с желтыми разводами.

Марина научила Фаину, что сухое мокрому никогда не пара. Фаина подумала, что хорошо человеку быть не материей.

А дальше все начали жить дальше.

Серковский женился на Елизавете, а Елизавета вышла замуж за Серковского.

При Серковском Елизавета сильно похорошела, даже горб у Елизаветы смотрел веселей. А Фаина при них обоих была Фаиной.

Серковский в душе сильно страдал от наступившего семейного счастья, потому что сам по себе привык к другому счастью и тем более в других домах. Но Серковский по своему опыту человека уже давно знал – если Бог дает человеку, человеку надо брать и тихонечко ждать, когда можно будет сбежать хоть куда.

Женился Серковский на Елизавете и начал сильно хотеть поскорей ехать к Баранидзе-племяннику.

Хотел Серковский поскорей, а получилось, что поехал не с бухты-барухты.

Серковский дождался писем про Баранидзе-племянника и его нехорошую подноготную от хороших людей из Ленинграда, который при царизме звали Петербург. Интересно, что Ленин тогда уже родился, но решил подождать до после Октябрьской революции.

Племянник Баранидзе шел от линии старшего брата Баранидзе-дяди.

Баранидзе как раз ждал хорошего места в самом Министерстве финансов, в Канцелярии по кредитной части. При царизме капиталисты любили брать себе кредиты. А где деньги берут, там как хотят, так и дают.

Племянник Баранидзе с самого своего детства стремился быть при таком месте.

Баранидзе-племянник был мужчина умный, тем более совсем ни на ком не женатый.

Папа Баранидзе-племянника умер за год до Баранидзе, который дядя.

Племянник сначала от родного папы получил хороший капитал, а потом от дяди. Сложилось один и один, и получилось два капитала в одни руки. Другой бы жил и ничего не делал, а Баранидзе был не другой и потому не знал себе покоя.

Особенно Баранидзе-племянник не знал покоя от коней, из-за того что сильно любил с ними играть. Играть с конями – это такое: кони сначала бегут, а потом прибегают. Какой конь первый прибежит, того получают и деньги. Коням деньги не нужны, потому деньги даются человеку, который загадал на этого самого коня.

Баранидзе-племянник в основном умел загадывать правильно. Наверно, хорошо слышал конское слово. Но случалось и такое, что Баранидзе-племянник плохо расслышивал и тогда отдавал деньги из своих.

При царизме играть в коней было не стыдно, и много кто из буржуазии занимался подобным.

Но этого буржуазии было мало, и некоторые занимались отношениями не с женщинами, а с мужчинами. Баранидзе-племянник как раз был из некоторых и занимался с мужчиной из Атлетического общества.

При царизме мужчины тоже имели болезни. Некоторые имели хорошие болезни, а некоторые – плохие. Баранидзе-племянник опять как раз был из некоторых.

Если б Баранидзе-племянник был некоторый один раз – еще ничего, а два раза – уже сильно много.

И вот Серковский взял свой портфель на замочке и поехал в Петербург.

Баранидзе-племянник жил на Бассейной улице, в богатом доме, на втором этаже. Квартира у Баранидзе была вся в бархатах и канделябрах, а под потолком – люстра с электричеством.

Баранидзе-племянник пустил Серковского к себе.

Этот Баранидзе сам по себе был блондин. Серковский увидел в таком цвете привет от Баранидзе Фаине и заранее обрадовался.

Баранидзе спросил, в чем у Серковского дело.

Серковский начал рассказывать от «а».

Серковский рассказал Баранидзе про Марию и Баранидзе, про большую любовь с разных сторон, про мечты и прочее. Про руки рассказал и про последнее удовольствие тоже.

Потом показал Баранидзе карточку Фаины и стал водить по Фаине руками. Вот носик, вот глазки, вот лобик, вот щечки. И приговорил: дитя похоже на своего родителя как капля в капле.

Баранидзе посмотрел на карточку Фаины, потрогал носик, глазки, лобик, щечки и сказал, что сходства нету никакого. Во-первых, это девочка, а Баранидзе был не девочка.

Серковский взял и сказал, что бывает интересно – отец девочки брюнет, а девочка пошла по цвету в племянника. А дядя и племянник – это в науке считается родня, и по такой родне можно много сказать на следствии и тем более в суде.

Баранидзе ответил, что у Фаины наука не найдет капель Баранидзе – ни дяди, ни тем более племянника. Из науки уже давно известно – что куда что-то не залилось, то там и не ночевало и прочее.

Серковский взял и достал буквы, каких нету ни в каких азбуках на свете.

Буквы получились такие.

Баранидзе Георгий Александрович инкогнито ездил с господином Карповым Владимиром Матвеевичем в Варшаву, где одиннадцатого дня прошлого мая означенные господа предавались предосудительным действиям в доме господина Юзефа Салецкого (улица Пивная, дом номер двадцать девять, во втором этаже). А шестнадцатого дня прошлого мая господин Карпов обратился к доктору Л., который уже давно знал господина Карпова за больного плохой болезнью, и получил от доктора рецепт на сулему с висмутом и хороший совет показать кому следует, где живет означенный доктор Л. Семнадцатого дня прошлого мая к доктору обратился господин Баранидзе и прочее.

Еще Серковский достал буквы про то, что Баранидзе при живом Атлетическом обществе с плохой болезнью наладился жениться – для порядка и для поправки своего капитала, который был сначала сильно большой, а потом уже стал сильно меньше. И что невеста со своим папой сильно заплачут, если узнают про то и про это тоже.

Из науки уже давно известно – человека устроили так, что все на свете для человека кончается, тем более буквы и слова.

Баранидзе-племянник не стал ждать, когда у Серковского народятся новые буквы, и предложил договориться. Сторговались на сто тысяч без никаких в будущем, и на молчок тоже сторговались. Тем более Баранидзе тихонечко попросил у Серковского расписку, что сто тысяч получают на сиротку Фаину в знак и прочее.

Серковский и Баранидзе-племянник разошлись хорошо, хоть были как волк волку.

При царизме вся буржуазия между собой была как волк волку. А из науки уже давно известно, что волк волка видит издали и потому ничего на свете не выклюет. Так и получилось.

* * *

И вот Серковский через бумагу от Елизаветы, которая переняла от Новикова наследство и Фаину, стал по закону опекать Фаину с фаинским капиталом.

Серковский положил капитал под хороший процент и сделал так, чтоб брать оттуда по десять тысяч в год на разное – вроде для Фаины. Еще Серковский сделал на бумаге условие, что Фаина получит свое, только когда выйдет замуж за мужчину, которого Серковский одобрит своими руками. Тем более Серковский уже собрался в нужную минуточку сильно одобрить себя. Еще на бумаге записалось, что если Фаина умрет незамужняя, так капитал перейдет Елизавете или наследнику Елизаветы.

Серковский доложил Елизавете про то, про что Елизавете полагалось знать.

Серковский решил не рассказывать Фаине про капитал, чтоб Фаина не забаловалась.

Елизавета своими руками одобрила решение мужа. Елизавета теперь все время одобряла Серковского и гладила своего мужа каждую минуточку.

Серковский, чтоб не стереться от такой глажки до самой своей печенки, кинулся в советчики по своей присяжной линии к директору Бельгийского акционерного общества конных железных дорог господину месье Камбье. Дело было горячее и без крючкотвора не обходилось. Потому Серковский скоренько получился у Камбье в самых первых людях.

Елизавета продала братнее дело, хоть и продешевила по спешности. На месте, где у Новикова для продажи лежали штуки разной материи, стали расти из горшков в потолок фикусы и прочее. Из ящичков тоже хорошо росло.

Когда еще все на свете не продалось, Фаина ходила расчесывать гребешком разную материю. А когда все на свете стало расти, Фаина расчесывала, что росло.

Елизавета возила Фаину туда-сюда, и Фаина показывалась всем на свете с хорошей стороны. Люди в лицо Елизавете так и говорили, что до чего ж Елизавете ничего не жалко на прошлую сиротку.

А на сиротку много и не шло. Платья и прочее на Фаину портниха перешивала из Елизаветино. На обувку Фаине Елизавета тратилась, хоть и ругалась, что ноги у Фаины сильно не стоят в росте на месте.

Елизавета Фаину показывала, как живую картинку, а близко к чужим не подпускала. Тем более к детям. Елизавета если что уже держала в своих руках, так крепко – вроде атласных туфель, хоть и до какой-то там минуточки.

А Фаина к чужим, тем более детям, не просилась. Фаина разговаривала и играла с зайчиком и с попугайчиком, которые на потолке жили на месте ангелят.

Елизавета на всякий случай всем на свете знакомым говорила про Фаину, что сиротка не сильно здоровая на здоровье. Еще Елизавета всем на свете знакомым говорила, что сама будет показывать нанятым учителям, как учить Фаину. Что эти учителя до того уже сказали Елизавете спасибо за такую науку, что запросили за свою работу по полцены и ниже.

Учителя посильно учили Фаину чтению, письму, арифметике, французскому языку, немецкому языку и прочему.

Елизавета своими руками и своими ногами тоже учила Фаину, как ходить ногами, как водить руками, как открывать глаза, как закрывать глаза, как открывать рот, как закрывать рот и прочее, что у человека и тем более у девочки открывается и закрывается.

Еще, чтоб в голове у Фаины не залеживалось лишнее, Елизавета учила Фаину физкультуре по советам из книги одного немца. Тем более этот один немец, у которого фамилия похожая на Бебель, только не Бебель, а вроде Фребель, советовал женщинам для физкультуры снимать с себя юбку и ходить на физкультуру совсем без юбки, хоть и в шароварах.

Елизавете для физкультуры пошили шаровары, почти что как показал художник Семирадский у себя на картине про турецкий царизм, которая висела в чайной комнате женской номерной бани Саркисова.

* * *

В баню Елизавета не ходила, потому что при царизме буржуазии такого не полагалось. А шаровары под Семирадского шились Елизавете по выкройке у Лай-Лаевской.

Интересно, что Елизавете сильно мечталось про женскую баню. В бане у человека и тем более у женщины получается все открытое, почти что как в пролетарской науке. Елизавете про никакую науку не думалось, а думалось про разных женщин разное – то и сё. Елизавета складывала женщин у себя в голове, и у Елизаветы там получалась хорошая минуточка слабости.

Про мужскую баню Елизавете тоже сильно мечталось. Если б можно было пойти посмотреть в мужскую баню, Елизавета пошла бы. Но при царизме у женщин не было никаких прав, тем более на мужскую баню.

А Фаине тоже пошили шаровары, хоть и не такие, как у Елизаветы.

* * *

Еще Елизавета привела в дом попа Никодима учить Фаину Закону Божию.

В городе Батум Фаина с молоком матери не сильно узнала про Закон Божий, а узнала только, что на небе сидит Боженька, смотрит из своего окошка на землю и ждет, когда люди сделают сильно или не сильно плохое.

А когда Боженька видит от людей сильно или не сильно плохое, тогда он берет длинную иголку и тыкает людей иголкой – тук-тук-тук.

Фаина не боялась Боженькиной иголки, потому что люди – это если какие-нибудь другие, а Фаина – это не люди, а Фаина.

На всякий случай Фаина делала какое-нибудь хорошее. А если все равно получалось плохое, Фаина брала иголку – и немножечко тук-тук-тук себе палец, чтоб Боженька по своей старости лишнее не тревожился и не натруживался.

Фаина умела молиться, хоть и плохо. У Фаины одна рука тянулась за другой рукой, и у порядка получалось, что порядок сильно нарушался.

Порядок нарушался в основном из-за того, что Фаина сильно смотрела на икону про Христа, как Христа поставили двумя ногами на одну полочку и прибили, а две руки прибили на две стороны света. Фаина смотрела на такое и жалела Христа и попугайчика тоже. В голове у Фаины Христос как-то взял и сложился с попугайчиком, как попугайчик стоял двумя ногами на одной палочке, тянул свои руки на две стороны света и пел всем людям про хорошее, хоть и нечеловеческим голосом.

И вот поп Никодим по порядку начал учить Фаину Закону Божию.

В Законе Божиим Фаина своим языком пошла далеко, а своей головой стала и застояла на месте, потому что, считай, сразу по Закону везде на свете получилась вода.

Про небо и землю Фаина выучила, про безвидность и про пустоту выучила, про тьму без дна тоже хорошо выучила. А когда поп Никодим сказал, что Дух Божий носился над водой, Фаина запросила, пускай Дух Божий на всякий случай поносится где-нибудь над сухим.

Поп Никодим сказал Фаине, что Дух Божий сам давно уже знает, где ему носиться, и что никому из людей не надо за него сильно переживать.

Фаина спросила попа Никодима, или он своими глазами видел, как Дух Божий носится над водой.

Поп Никодим сказал Фаине, что своими глазами не видел, но хорошо знает по Закону.

Тогда Фаина сказала попу Никодиму, что не будет переживать за Дух Божий.

Фаина переживать за Дух Божий не перестала, потому что своими глазами видела, как мать сначала летела над водой, а потом упала в воду – и всё.

* * *

И вот один раз Фаина своими глазами увидела, что муха, которая под самую зиму умерла и такой осталась лежать в окне, весной воскресла.

Фаина спросила у попа Никодима, муха сама по себе божеское создание или кого.

Поп сказал, что божеское.

Фаина спросила, сколько поп знает в городе божеских людей, которые воскресли.

Поп сказал, что в настоящую минуточку никого не знает, но твердо заверил, что узнает, когда кто-то из людей возьмет себе и воскреснет.

Фаина спросила попа, зачем Бог для людей пожалел воскресение, а для мух не пожалел.

Поп сказал, что Богу для людей ничего не жалко – ни смерти, ни воскресения, что у мух нету терпения ждать, а у людей есть. Тем более мухи притворяются, а людям лишнее расстройство.

Фаина сообщила про воскресение зайчику и попугайчику. Они сказали Фаине, что поделятся с ней терпением, хоть у них самих мало, и что пускай Фаина хорошо научится засыпать-просыпаться и на всякий случай зудеть мухой.

Когда Фаине опять приснился сон про мать, Фаина рассказала все на свете про мух матери.

Мать пожалела дочечку за то, что она зря тратит свои силы. Мать сообщила Фаине, что сама она нисколько не стремится воскреснуть, потому что в раю до того прекрасно, что там все люди на радостях все время женятся.

* * *

Для всего хорошего в здоровье Фаину начали возить в аркадскую водолечебницу со всеми на то время царизма полезными приспособлениями – разные души имени Шарко, душ из пара, душ с лекарствами, душ из сухого воздуха, из песка и прочего.

Елизавета советовалась с доктором Шмулевичем, и всю на свете водную науку применяла на Фаине. Тем более Елизавета любила применять и смотреть, что будет.

Фаина сильно хотела, чтоб ее взяли за руку, хоть за левую, хоть за правую. Особенно Фаина хотела, чтоб так сделала Елизавета. Елизавета Фаине так не делала, хоть Серковскому делала. Интересно, что Фаина не проводила разницы между собой и Серковским для Елизаветы.

Фаина для Елизаветы хорошо учила все на свете уроки, вышивала крестиком, танцевала. В душе Фаина стояла тоже хорошо.

Если б Фаина могла чего-то не делать, она б в душе из воды никогда не стояла. Вода Фаине была как острый ножик. В воде люди тонут, и с людьми в воде случается всякое плохое.

Фаина сочинила про это стих, что если взять немножечко воды, так получится речка, а не море, что в море тонут корабли, а по реке плывут себе двери.

Про речку Фаина узнала из географии. Географию Фаине давал учитель Зябров. Учитель Зябров дал Фаине географию от речек до самых северных морей и пропал. Фаина хотела спросить у Елизаветы, а не спросила, может, учитель Зябров утонул, а если утонул, так где – в речке или в море, а если в речке или в море, так в каких по имени.

В Батуме Фаина не видела речку, и в Одессе тоже. Из рассказов учителя Зяброва речка увиделась Фаине хорошей, лучше моря. Фаина даже обошла весь дом и сказала всем дверям,

что на всякий случай дверям надо хорошо поплавать в речке. Двери сказали, что будут сильно рады. И Фаина на всякий случай пустила все на свете двери в речку.

Интересно, что вода в ванной или в корыте Фаину нисколечко не пугала. У ванны и у корыта были два берега – левый и правый, за них можно было держаться двумя руками – левой и правой. Когда вода ровно бежала себе из крана, тоже было не страшно – Фаина назначала крану, и кран вроде сам заворачивался.

А вода в лечебнице сама не заворачивалась, хоть ты ей что.

Фаина сложила у себя в голове одно с другим, и у Фаины там получилось, что надо открыть рот на всю широту и глотать воду в живот, что вода через живот потечет дальше и на самом конце выльется в дырочку. Фаина еще не знала всю науку. Но Фаина у себя в голове понимала, что всю воду человеку выпить не дано. Всю воду Фаина выпить и не стремилась, а стремилась выпить только ту воду, которая главная.

Фаина перед душем спрашивала, какой душ будет. Если с чем-то, тогда душ не считался. Если из чистой воды, – хоть который бьет по всей на свете Фаине, хоть который гладит всю на свете Фаину, – тогда Фаина на всю на свете широту открывала рот.

Тут Фаина узнала, что в животе у человека места сильно мало, а дальше вода идти не хочет, а требует у человека терпения.

Фаина позавидовала Елизавете, что у Елизаветы есть горб. По расчету Фаины, в горбе у Елизаветы находилась пустота. Получается, воде б понравилось туда литься.

Потом Фаина придумала, что надо глотать воду и сразу плакать. По своему опыту Фаина уже давно знала, что на слезы терпение не надо.

* * *

Так было, пока Елизавета не пришла в душ смотреть.

Раньше Елизавета за Фаиной не смотрела, потому что смотрела за своим животом.

Елизавете исполнилось сорок пять лет, и она скоренько стремилась народить своего ребеночка. У женщин в сорок пять лет ребеночек тоже нарождается, но уже сильно хуже. Елизавета получилась из таких женщин, у которых совсем плохо.

Из науки уже давно известно – прежде чем народить ребеночка, женщине надо ребеночка завязать.

У Елизаветы ребеночек никак не завязывался. Елизавета гладила Серковского и тут, и там тоже, а ничего.

По возрасту у Елизаветы начались сильные женские перебои. Елизавета не считала это за перебои, а считала, что это у Елизаветы завязался ребеночек. Елизавета ложилась в кровать и никуда не вставала, даже в уборную.

Елизавета звала к себе Фаину и наказывала, чтоб Фаина разговаривала с завязанным ребеночком.

В первый раз Фаина спросила у Елизаветы, почему будет разговаривать с ребеночком Фаина, а не Елизавета.

Елизавета объяснила, что Фаина еще не выросла и ребеночек не испугается голоса и вида.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.